

ления не только схожие, но в полном смысле тождественные соответствующим проявлениям земной стихии. «Тому, что сева и жатва с зачатием и рождением человека были рассматриваемы, если можно так выразиться, совместно (*inlins*), аттическая религия дает разительнейшие (*markantesten*) свидетельства», — говорит Дитрих. «До какой степени непосредственно живы были, на почве древнейшего народного мышления, параллелизм и даже тождество (*Identität*) сева и зачатия, убедительнейшим образом свидетельствует язык: *σπείρειν* означает то и другое, в смысле «зачинать» особенно часто у древнеаттических авторов; *ἄρβω* — «пахать» означает то и другое в аттической трагедии: *ἄροτος* «стало постоянным выражением в аттическом праве, при заключении брачных договоров...».²³ «Ты, небо-отец, ты, земля-мать», — говорится и в русском народном заговоре;²⁴ и говорится не случайно, потому что вот какой в отношении земли существовал, например, запрет «для мужей и отроков» даже в церковной практике: «Грех есть легше на чреви на земли, опитемии 12 дней, поклон 60 на день»; это — грех потому, что земля и мать одно и то же: «Аше отцу или матери лаял», — читаем в другом запрете, — или бил или, на земле лежа ниц, как на жене играл, 15 дни (епитимия)».²⁵ Ни о каком, как видно, «олицетворении», измышленном абстрактном уподоблении, и речи тут быть не может: земля для древнерусского народно-языческого сознания, как и для древнеэллинского, была доподлинной матерью, без всяких аллегорических натяжек, а с той, напротив, прямолинейностью наивнореалистического мировосприятия, в которой, как это ни трудно нам, людям XX в., мы должны, однако, отдать себе ясный отчет; иначе понять быт и нравы, в самом деле ведь регулировавшиеся такого рода запретами, невозможно; воззрение, отлившееся в процитированный «запрет», обладало в древнерусской жизни устойчивостью и диапазоном, не идущими в сравнение ни с чем другим. Об этом уж говорит одно его проникновение в нормы церковной дисциплины; от него не убереглась, значит, сама церковь, так строго осудившая эту «веру земле» на первых же страницах летописи.

Что касается хронологии самого культа, то есть ряд указаний на возникновение древнерусского почитания земли еще на доземледельческой стадии развития. Сообщенный С. Смирновым покаянный стих, произносимый при «обряде прощанья с землею», в числе провинностей упоминает и то, что кающаяся «рвала твою (земли) грудушку

Сохой острою, расплывчатой,
 Что не катом тея я укатывала,
 Не урядливым гребнем чесывала, —
 Рвала грудушку боронушкой тяжелою
 Со железным зубьем да рживыем.
 Прости, матушка, питомая!»

Это явный пережиток сакрального запрета на земледелие вообще. Отсутствие, с другой стороны, сколько-нибудь выразительных аналогий древнерусскому почитанию земли у славян западных — поляков и чехов — не оставляет уже сомнения в том, что культ этот надо возводить не к просто славянской общности, а к пережиткам местной, издавна гибридной причерноморской культуры и связывать с тем длительным взаимопроникновением малоазийских культов богини-матери и собственно

²³ Al. Dieterich. Mutter Erde. Ein Versuch..., стр. 47. (Перевод наш. — В. К.).

²⁴ См.: А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. III, М., 1869, стр. 788.

²⁵ См.: С. Смирнов. Древнерусский духовник, стр. 273.